

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 55–72.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 55–72.

Научная статья

УДК 339.924(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/55-72>

**Транстихоокеанское партнерство
и всестороннее региональное экономическое партнерство
как международно-правовая модель экономической интеграции
в Азиатско-Тихоокеанском регионе**

Антон Аркадьевич Наку

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ a.naku@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются международно-правовые аспекты современных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особое внимание уделяется таким относительно новым объединениям государств, как Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство. Базируясь на положениях права Всемирной торговой организации в отношении зон свободной торговли товарами и услугами, оба партнерства значительно расширяют спектр регулируемых межгосударственных отношений, что дает определенные основания рассматривать Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство как принципиально новую модель региональных торговых соглашений. При наличии фиксированного состава стран-участниц и системы, обладающих определенными правомочиями органов, партнерства не наделяются статусом международной межправительственной организации, правосубъектности и тем более какими-либо наднациональными полномочиями. Это не только не умаляет торгово-экономическое значение партнерств, но и делает их привлекательной формой «мягкой» интеграции государств, находящихся на различных уровнях экономического развития, относящихся к различным географическим регионам и имеющим собственные интеграционные обязательства в рамках двусторонних и многосторонних (субрегиональных) торговых соглашений. Формирующие партнерства международные договоры представляют собой яркий пример торговых соглашений по модели «ВТО плюс», объединяющих положения о либерализации торговли товарами и услугами с взаимными обязательствами сторон в сфере инвестиций,

устойчивого развития, конкуренции, административного и правового сотрудничества. В то же время наличие многочисленных «параллельных» двусторонних и многосторонних торговых соглашений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в рамках АСЕАН, создает «многослойное» правовое регулирование внешнеэкономической деятельности и риски правовой неопределенности для её участников.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, торгово-экономическая интеграция, международное право, региональное торговое соглашение, организация региональной экономической интеграции, зона свободной торговли, Транстихоокеанское партнерство, Всестороннее региональное экономическое партнерство, Всемирная торговая организация.

Для цитирования: Наку А.А. Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство как международно-правовая модель экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 55–72.

Original article

Trans-Pacific partnership and regional comprehensive economic partnership as a model international legal structure for economic integration in the Asia-Pacific

Anton A. Naku

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ a.naku@inno.mgimo.ru

Abstract. The article explores international law aspects of the contemporary integration processes in the Asia-Pacific with a specific focus on such relatively new formations as the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). Based on the WTO law provisions with regard to the free trade areas for goods and services, both Partnerships significantly widen the scope of regulated inter-governmental relationships, which allows considering the TPP and the RCEP as a fundamentally new form of the regional trade agreements. Having a fixed number of participating states and a system of institution with their functions and competencies, the Partnerships do not represent inter-governmental organizations and are vested with no legal capacity or, especially, supranational powers. However, this does not undermine the trade and economic significance of the Partnerships while also making them an attractive model of the

soft integration structure between the states having different level of economic development, located in different geographical regions and bound with their own integration obligations under bi- and multilateral (subregional) trade agreements. The founding agreements of the Partnerships are typical “WTO plus” arrangements combining the provisions on liberalization of trade in goods and services with the parties’ mutual obligations in the fields of investments, sustainable development, competition, administrative and legal cooperation. At the same time, applicability of parallel bi- and multilateral trade agreements between the Asia-Pacific states, including those within ASEAN, forms a complex multilayer regulation of foreign trade and entails a risk of legal uncertainty for economic operators.

Keywords: Asia-Pacific region, trade and economic integration, international law, regional trade agreement, regional economic integration organization, free trade area, Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, World Trade Organization

For citation: Naku A.A. Trans-Pacific Partnership and Regional Comprehensive Economic Partnership as a model international legal structure for economic integration in the Asia-Pacific. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 55–72. (In Russ.).

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), включающий в себя около 60 государств, расположенных по периметру Тихого океана, на австралийском континенте и многочисленных тихоокеанских островах, является одним из наиболее перспективных центров экономического роста и торгово-экономической интеграции. Для данного региона характерно преобладание «мягких» форм международной экономической интеграции, не предполагающих формирование таможенных, экономических союзов или общих рынков. Интеграционные процессы в АТР редко приводят к учреждению международных организаций региональной экономической интеграции, тем более с наделением их наднациональными полномочиями. По мнению исследователей, «глобальные и региональные тенденции развиваются здесь активно и динамично, взаимно дополняя друг друга... В Азиатско-Тихоокеанском регионе подобное сочетание интеграционных и неинтеграционных межгосударственных объединений весьма характерно, причем до настоящего времени большинство международных организаций интеграционного типа не имеют развитых наднациональных характеристик» [1].

Долгие годы центральным звеном международной экономической интеграции в АТР являлась Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Статья 41 Устава АСЕАН предусматривает механизм совместного заключения государствами-членами Ассоциации международных соглашений с третьими странами, субрегиональными, региональными или международными организациями и органами. Благо даря наличию этого механизма еще в 2004 г. АСЕАН заключила соглашение о тор-

говле товарами с КНР, за которым последовали соглашения о торговле услугами 2007 г. и инвестиционное соглашение 2009 г. В 2006 г. АСЕАН заключила соглашение о свободной торговле и экономической интеграции с Республикой Корея, в 2008 г. – соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Японией, в 2009 г. – аналогичное соглашение с Австралией и Новой Зеландией. Соглашения о свободной торговле и экономической интеграции АСЕАН заключила с Индией в 2009 г. и с Гонконгом в 2018 г. Таким образом, вокруг АСЕАН сформировалась целая система региональных торговых соглашений (РТС) с участием соседних стран, занимающих ведущие позиции в мировой экономике и международной торговле.

Важнейшей политической платформой для формирования интеграционной повестки в АТР является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – существующее с 1989 г. неформальное объединение крупнейших экономик региона, в настоящее время включающее 21 страну и территорию, в том числе Российскую Федерацию, КНР, США, Австралию, Японию, Южную Корею, Канаду, Гонконг, Тайвань и др. В период деятельности АТЭС между участвующими в нем странами был заключен целый ряд двусторонних соглашений о свободной торговле (Австралия – США 2004 г., КНР – Новая Зеландия 2008 г., Южная Корея – Канада 2014 г. и др.). Первым опытом заключения межконтинентального многостороннего торгового соглашения между странами-участницами АТЭС стало Соглашение 2005 г. о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве между Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. Соглашение формировало Зону свободной торговли (ЗСТ) товарами и услугами в соответствии со статьей XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ) и статьей V Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), включало вопросы таможенного сотрудничества, конкуренции, государственных закупок, охраны интеллектуальной собственности, временного въезда физических лиц, а также содержало механизм разрешения вытекающих из Соглашения споров. Успешный опыт реализации «партнерства четырех», в том числе удвоение взаимного товарооборота стран-участниц за 10 лет после вступления Соглашения в силу, позволил рассматривать его в качестве переговорной основы для последующего более масштабного интеграционного процесса стран АТР – создания Транстихоокеанского партнерства (ТПП).

Одновременно в интеграционную повестку АТР стали вовлекаться страны соседних субрегионов Центральной и Южной Азии. Так, в 2005 г. в Пекине была принята новая редакция Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения (ранее известного как Бангкокское соглашение 1975 г.) с участием Бангладеш, Индии, КНР, Лаоса, Республики Корея и Шри-Ланки; в 2013 г. к соглашению присоединилась Монголия. Соглашение было разработано под эгидой Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана. Оно не формирует ЗСТ или иное интеграционное объединение, но предусматривает систему тарифных и торговых уступок в отноше-

нии взаимной торговли товарами, а с 2013 г. и услугами. С точки зрения оказания эффекта на взаимную торговлю стран-участниц Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение сопоставимо с некоторыми из крупнейших интеграционных объединений мира: доля взаимной торговли стран-участниц в совокупном объеме экспорта и импорта товаров в 2021 г. составляла 11,73% и 13,91% соответственно, что несколько превышает аналогичные показатели в МЕРКОСУР [2].

На восточном побережье Тихого океана интеграционные процессы имеют свою достаточно внушительную историю. С 1994 г. действовало Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), которое в 2018 г. было заменено новым соглашением между США, Канадой и Мексикой, вступившим в силу 1 июля 2020 г. – ЮСМКА (USMCA, от англ. *the United States - Mexico - Canada Agreement*). Зона свободной торговли товарами и услугами, сформированная НАФТА-ЮСМКА, базируется на принципах статей XXIV ГАТТ и V ГАТС и является одной из крупнейших в мире, объединяя территорию с населением около 500 млн человек и совокупным ВВП свыше 28 трлн долларов США (почти 17% от мирового ВВП). Южноамериканские страны-участницы АТЭС – Перу и Чили – состоят в Ассоциации Латиноамериканской интеграции, а Перу является государством-членом Андского сообщества, действующего аж с 1969 г. и функционирующего на основе таможенного союза (Чили имеет статус ассоциированного члена Андского сообщества).

Накопленный странами АТР интеграционный опыт, наличие политического, организационного и правового фундамента, обеспечиваемого деятельностью АТЭС, региональных структур ООН, а также Всемирной торговой организации (ВТО), позволили перейти к новому, более масштабному этапу международной экономической интеграции в регионе. В 2016 г. 12 государств, участвующих в АТЭС – Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония – подписали Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (так называемое ТПП-12). Еще до вступления Соглашения в силу из него по политическим соображениям вышли США, но оставшиеся 11 государств возобновили переговорный процесс и в 2018 г. заключили новое, так называемое Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП, также известное как ТПП-11). ВПСТТП вступило в силу уже в декабре 2018 г., сформировав тем самым еще одну из крупнейших в мире ЗСТ с совокупным ВВП около 13,5 трлн долларов США (что представляет более 13% от общемирового ВВП).

По содержанию ВПСТТП не является принципиально новым по сравнению с соглашением ТПП-12, так как положения последнего инкорпорированы в текст ВПСТТП с некоторыми изъятиями и обновленными специфическими обязательствами отдельных сторон. Заметное место в ВПСТТП занимают вопросы, входившие в четырехстороннее соглашение 2005 г. о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (центральную часть которых занимают вопросы либерализа-

ции взаимной торговли товарами и услугами), но к ним добавлены и некоторые новые сферы правового регулирования: прямые иностранные инвестиции, электронная торговля, трудовые отношения, охрана окружающей среды, гарантии для малых и средних предприятий, борьба с коррупцией. Широкий спектр охваченных ВПСТТП межгосударственных отношений отмечается исследователями: «Бесспорными преимуществами Транс-Тихоокеанского Партнерства является следующее: открытие рынков для всех стран-членов организации, унификация торговых правил, ликвидация препятствий для финансового сотрудничества, создание благоприятного инвестиционного климата и новых гарантий для защиты среднего и малого бизнеса» [3]; «ТТП планирует не просто сформировать комплексную зону свободной торговли, но и определяет гармонизацию и унификацию технических стандартов, норм регулирования трудовых отношений и экологической политики, сферы госзакупок и другие порой на более высоком уровне, чем в рамках Всемирной торговой организации, а также будет содействовать росту технологического уровня участвующих государств» [4].

Спустя всего лишь два года после ВПСТТП получил правовое оформление другой мегапроект в сфере торгово-экономической интеграции стран АТР – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Соглашение о создании ВРЭП было подписано в Ханое 15 ноября 2020 г. по итогам длившихся восемь лет переговоров и вступило в силу 1 января 2022 г. после ратификации необходимым минимальным количеством подписавших государств. Сторонами Соглашения являются 10 государств-членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 5 государств, с которыми у АСЕАН заключены соглашения о свободной торговле (Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония). То есть почти половина стран, участвующих в ВРЭП, одновременно состоят в ТТП, но при этом ВРЭП не носит транстихоокеанский характер ввиду неучастия в нем стран Северной и Южной Америки. Создание ВРЭП позволило говорить о формировании в буквальном смысле самой крупной зоны свободной торговли товарами и услугами в мире, на которую приходится около 30% населения земного шара и около 30% мирового ВВП.

По структуре и содержанию Соглашение о ВРЭП схоже с ВПСТТП: оно объединяет положения о торговле товарами, торговле услугами, инвестициях, охране интеллектуальной собственности, электронной торговле, конкуренции, государственных закупках, малых и средних предприятиях, перемещении физических лиц. Целями ВРЭП провозглашаются планомерное устранение тарифных и нетарифных барьеров в отношении существенной части взаимного товарооборота, либерализация взаимной торговли услугами со значительным секторальным охватом, поощрение, защита, поддержка и либерализация взаимных инвестиций.

Помимо ТТП и ВРЭП в последние годы между странами АТР были реализованы и иные амбициозные многосторонние интеграционные проекты. В декабре 2020 г.

вступило в силу заключенное тремя годами ранее Тихоокеанское соглашение о более тесных экономических отношениях (так называемое *PACER Plus*). Соглашение объединяет Австралию, Новую Зеландию и ряд островных государств Тихого океана и предполагает постепенную и асимметричную либерализацию в сферах взаимной торговли товарами и услугами, инвестиций и перемещения физических лиц. В том же 2020 г. Новая Зеландия, Сингапур и Чили подписали Соглашение о партнерстве в цифровой экономике – достаточно новое явление в международном торговом праве, имеющее, к тому же, транстихоокеанский охват (интерес к присоединению к Соглашению выразили также Канада и Южная Корея).

Тем не менее именно ТПП и ВРЭП вызывают наибольший научный, политический и практический интерес. Причиной этого является не только страновой охват и экономическая значимость этих партнерств, но и особенности правового регулирования в учреждающих их соглашениях. Данные особенности породили научные споры о возможности квалификации партнерств как особой формы торгово-экономической интеграции государств, не укладывающейся в традиционную схему «ЗСТ – таможенный союз – общий рынок – экономический союз». Иногда партнерства рассматриваются в одном ряду с другими, менее формализованными по сравнению с международными межправительственными организациями (ММПО), образованиями (такими, например, как вышеупомянутое АТЭС), которые «формируются и действуют как международные объединения *sui generis*, т. е. в отличие от ММПО или наднациональных организаций не обладают международной правосубъектностью и их международно-правовые основы пока весьма расплывчаты» [5, с. 10]. Партнерства можно рассматривать как «параорганизации», которым свойственны «постоянство и регулярность работы, часто, но не обязательно, в привязке к определенному местопребыванию; постоянный и обычно четко лимитируемый состав участников. Но они принципиально отличны от международных организаций тем, что юридически не наделяются правосубъектностью (правоспособностью), функционируют хотя и с определенным составом членов, но обычно без учредительных актов, не имеют формализованной организационной структуры, не обладают правом принятия юридически квалифицированных, обязывающих решений» [6].

Другая точка зрения заключается в более широком подходе к понятию «партнерство», которое «является международно-правовой формой организации экономического сотрудничества государств и может включать в себя широкий спектр отношений между ними» [7]. То есть партнерства могут либо обеспечивать создание той или иной формы торгово-экономической интеграции (например, ЗСТ), либо только оформлять углубленное экономическое или политико-экономическое сотрудничество сторон при сохранении режима наибольшего благоприятствования (РНБ) или преференциального режима во взаимной торговле с возможной дальнейшей либерализацией в течение довольно длительного переходного периода (как многие соглаше-

шения об экономическом партнерстве, заключаемые Европейским союзом с развивающимися странами – бывшими колониями государств-членов ЕС).

Наконец, есть точка зрения, усматривающая в партнерствах некую альтернативу многосторонней торговой системе: «Данные формы зоны свободной торговли должны со временем заменить ВТО и фактически упразднить ее правовые нормы» [8]. Для ответа на вопросы об особенностях правовой модели партнерств как формы реализации интеграционных процессов в АТР, специфике ТТП и ВРЭП, соотношении этих партнерств с известными формами торгово-экономической интеграции государств необходим более детальный анализ соответствующих соглашений.

Ни ВПСТТП, ни Соглашение о ВРЭП не содержат положений об учреждении ММПО, что тем не менее не лишает образуемые партнерства некоторых признаков международных организаций.

Во-первых, оба партнерства наделяются, пусть и минимальной, но вполне оформленной организационной структурой, при этом полномочия и порядок функционирования соответствующих органов четко регламентированы. ВПСТТП учреждает Комиссию ТТП, призванную обеспечивать имплементацию Соглашения, а также ряд совместных комитетов – по сближению регулирования, по содействию конкурентоспособности и предпринимательству и др. Решения в Комиссии и комитетах принимаются консенсусом, если иное не будет согласовано сторонами. Комиссия наделяется, в том числе, функциями по толкованию Соглашения, по разработке изменений в графики устранения таможенных пошлин во взаимной торговле и в правила происхождения товаров, по разрешению споров и противоречий, возникающих между сторонами в связи с толкованием Соглашения (статус и полномочия Комиссии ТТП во-многом сближают ее с Комиссией по свободной торговле, функционирующей в рамках НАФТА-ЮСМКА).

Институциональный механизм ВРЭП более сложен. Во главе него стоит Совещание министров, которое собирается ежегодно и принимает решения консенсусом. Совместный комитет на уровне старших должностных лиц договаривающихся сторон также заседает ежегодно и решает вопросы текущей деятельности партнерства, формирования и координации деятельности вспомогательных органов, взаимодействия с бизнес-структурами и академическим сообществом, а также готовит предложения о внесении изменений в Соглашение. Совместный комитет принимает решения по принципу негативного консенсуса: решение считается принятым, если ни одна из сторон не высказалась против него. Руководят работой Совместного комитета два сопредседателя: один представляет государства-членов АСЕАН, другой – договаривающиеся стороны, не участвующие в АСЕАН. Совместный комитет учреждает вспомогательные органы ВРЭП: Комитет по товарам, Комитет по услугам и инвестициям, Комитет по устойчивому росту, Комитет по деловому климату и др. Вспомогательные органы (комитеты) используют в своей работе те же принципы

негативного консенсуса и сопредседательства, что и Совместный комитет. Предполагается создание секретариата ВРЭП, для чего требуется соответствующее решение Совместного комитета; до его принятия функции секретариата исполняет Секретариат АСЕАН.

Во-вторых, оба партнерства имеют фиксированный состав членов, при этом являясь открытыми для присоединения новых членов в установленном соответствующем соглашении порядке. ВПСТТП открыто для присоединения любых государств и отдельных таможенных территорий независимо от их расположения в или вне АТР, но для этого необходимо согласование условий присоединения со всеми действительными сторонами Соглашения. Порядок присоединения установлен в решении Комиссии ТПП № *CPTPP/COM/2019/D002*, принятом в 2019 г. Комиссия наделена функцией рассмотрения обращений третьих стран о присоединении к ТПП и согласования условий их присоединения. Так, в 2021 г. Комиссия приняла решение о формировании рабочей группы для рассмотрения обращения Великобритании, а 31 марта 2023 г. было опубликовано совместное заявление представителей сторон о завершении переговорного процесса и согласовании условий присоединения. Протокол о присоединении к ВПСТТП был ратифицирован Великобританией в мае 2024 г. и в настоящее время проходит ратификационные процедуры в других странах-участницах партнерства. В 2021–2023 гг. заявки на присоединение подали КНР, Тайвань, Эквадор, Коста Рика и Уругвай (последний, как и Великобритания, имеет выход в Атлантический океан и не относится к АТР).

Соглашение о ВРЭП также устанавливает принцип открытости Соглашения и обязывает Совместный комитет утвердить процедурные правила для присоединения новых членов. Такое присоединение стало возможным по истечении 18 месяцев с даты вступления Соглашения в силу, и к настоящему моменту заявки на присоединение подали Бангладеш, Гонконг, Шри-Ланка и Чили. Сообщается и об интересе Великобритании к членству в ВРЭП.

Исходя из выявленных выше признаков говорить о ТПП и ВРЭП как об «аморфных» структурах без четкой международно-правовой основы, формализованной организационной структуры и без права принятия юридически значимых решений было бы неверным. В то же время отсутствие статуса ММПО и собственной правосубъектности роднит рассматриваемые партнерства с моделью «экономической интеграции без членства», опробованной в Европейском экономическом пространстве с участием ЕС и ряда стран-участниц Европейской ассоциации свободной торговли [9].

Поскольку для стран-участниц обоих партнерств характерно параллельное участие в других интеграционных объединениях и двусторонних соглашениях о свободной торговле, ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП исходят из необходимости соблюдения сторонами своих обязательств, вытекающих из других торговых соглашений, и

предусматривают проведение консультаций в случае возникновения противоречий с такими обязательствами. Действующие в ТТП и ВРЭП правила происхождения товаров составлены таким образом, чтобы исключить вытекающие из соглашений преимущества для товаров, произведенных в третьих странах и импортированных в какую-либо страну-участницу соответствующего партнерства в рамках режима свободной торговли, применяющегося в отношении страны-производителя.

С точки зрения избранной формы торгово-экономической интеграции ни ВПСТТП, ни Соглашение о ВРЭП не ставят целью формирование единой таможенной территории, таможенного, экономического или валютного союза и общего рынка ни на первоначальном этапе создания партнерств, ни в дальнейшем. По сути, рассматриваемые соглашения формируют «лишь» ЗСТ, но ЗСТ нового поколения, сочетающее традиционные принципы свободного перемещения товаров и услуг в соответствии со статьями XXIV ГАТТ (в частности, подпункта b пункта 8) и V ГАТС с элементами общего рынка, предусматривающими свободу перемещения и других факторов производства – капиталов, инвестиций и, в определенной степени, трудовых ресурсов. Данная особенность отмечалась исследователями еще на этапе формирования ТТП: «в Транстихоокеанском партнерстве будет сформирована зона свободной торговли высокого стандарта, которая включает так называемые сингапурские вопросы – инвестиции, содействие торговле, конкурентную политику и госзакупки» [4] (термин «сингапурские вопросы» относится к аспектам международной торговли, которые рассматривались на первой Министерской конференции ВТО в Сингапуре в 1996 г.). Соглашение о ВРЭП также распространяется на целый ряд не регулируемых правом ВТО сфер инвестиционного, экономического, политико-экономического и социального взаимодействия; подобного рода РТС принято относить к категории «ВТО плюс».

Режим взаимной торговли товарами в ТТП и ВРЭП однотипен и складывается из двух основных компонентов: (1) предоставление каждой стороной Соглашения товарам из других сторон национального режима в соответствии со статьей III ГАТТ 1994 г. и (2) поэтапное устранение импортных и экспортных пошлин во взаимной торговле в соответствии с индивидуальными обязательствами сторон. Каждая договаривающаяся сторона применяет собственный перечень тарифных уступок (то есть снижение или обнуление ставок таможенных пошлин) в отношении товаров, происходящих в других договаривающихся сторонах. Для большинства товаров предусмотрено обнуление ставки (единовременное или постепенное, с переходным периодом до 20 лет) либо существенное снижение по сравнению со ставкой РНБ. Тем не менее во многих перечнях тарифных уступок в отношении отдельных товаров, происходящих из других договаривающихся сторон, допускается сохранение ставки РНБ; присутствует и дифференциация преференциальных ставок в зависимости от страны происхождения (с соблюдением принципа максимальных уступок для дого-

варивающихся сторон, относящихся к наименее развитым странам). Единственной страной, полностью отменившей импортные пошлины на товары из стран-партнеров по ТТП и ВРЭП, является Сингапур.

В отношении количественных ограничений и иных нетарифных барьеров ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП в основном ссылаются на нормы ВТО, не позволяя сторонам применять какие-либо иные ограничения, нежели те, которые предусмотрены правом ВТО. В то же время оба соглашения содержат весьма объемные разделы, посвященные санитарным и фитосанитарным мерам (СФС), техническому регулированию и применению мер торговой защиты. Стороны во взаимной торговле имеют право применять специальные защитные меры в течение переходного периода (3 года после вступления в силу ВПСТТП и 8 лет после вступления в силу Соглашения о ВРЭП) в случае, если импорт каких-либо товаров на территорию одной из договаривающихся сторон осуществляется в резко возросшем объеме, что угрожает существенным ущербом отечественным производителям. В качестве защитной меры импортирующая сторона может приостановить снижение импортной пошлины согласно своему перечню тарифных уступок либо повысить ставку пошлины до уровня РНБ, но применение количественных ограничений или тарифных квот в качестве защитной меры не допускается.

В целях либерализации взаимной торговли услугами ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП предусматривают, что каждая из договаривающихся сторон принимает на себя обязательства одним из двух способов: (1) позитивный – сторона закрепляет специфические обязательства по либерализации в каждом из секторов услуг; (2) негативный – сторона устанавливает перечень национальных мер, в отношении которых обязательства по либерализации услуг не применяются. И перечни специфических обязательств, и перечни национальных мер, изъятых из-под либерализации, приведены в приложениях к соответствующему соглашению. Страны, избравшие позитивный способ (в частности, Вьетнам, КНР, Новая Зеландия), предоставляют услугам и поставщикам услуг из других договаривающихся сторон доступ на свои рынки в пределах и на условиях, установленных в их специфических обязательствах. Остальные страны выполняют обязательства в отношении услуг исходя из базовых положений о предоставлении РНБ и национального режима с изъятиями, зафиксированными в их национальных перечнях.

Инвестиционные положения соглашений о ТТП и ВРЭП также основаны на сочетании национального режима и РНБ, то есть каждая договаривающаяся сторона предоставляет инвесторам любой другой договаривающейся стороны во всем, что касается учреждения, приобретения, расширения, управления, использования, эксплуатации, продажи или иного распоряжения объектами инвестиционной деятельности на своей территории, режим не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет в сопоставимых обстоятельствах (а) своим внутренним инвесторам и

инвестициям и (б) инвесторам из других договаривающихся сторон или третьих стран. Договаривающиеся стороны вправе сформулировать перечни национальных мер, которые изымаются из-под взаимных обязательств в отношении инвестиций; такие перечни закреплены в приложениях к соответствующему соглашению. Соглашение о ВРЭП предоставляет освобождение от обязательств о РНБ в отношении инвестиций Вьетнаму, Камбодже, Лаосу и Мьянме.

С целью облегчить перемещение физических лиц, задействованных в торговле товарами, услугами и инвестиционной деятельности, между странами-участницами ТТП и ВРЭП соглашения предусматривают льготные миграционные режимы для бизнес-туристов, работников, перемещаемых между подразделениями компаний в разных договаривающихся сторонах, и других категорий граждан согласно национальным перечням обязательств. Оба соглашения особо оговаривают, что они не распространяются на лиц, желающих трудоустроиться в другой договаривающейся стороне, а также на вопросы гражданства, постоянного места жительства или постоянных трудовых отношений. То есть обеспечение полноценной свободы перемещения трудящихся в рамках ТТП и ВРЭП не осуществляется.

Национальный режим заложен в основу обязательств договаривающихся сторон и в отношении охраны интеллектуальной собственности. В этой части ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП содержат отсылки к нормам Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), декларации ВТО по ТРИПС и общественному здравоохранению и актам Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Соглашения содержат перечни международных конвенций по охране отдельных видов интеллектуальной собственности (9 в ВПСТТП и 12 в Соглашении о ВРЭП), в отношении которых договаривающиеся стороны принимают обязательства по ратификации или присоединению.

Отдельные разделы соглашений посвящены принципам политики сторон в области конкуренции и государственных закупок, поддержке малых и средних предприятий, недискриминации в сфере электронной торговли, административному сотрудничеству. Соглашение о ВРЭП определяет границы широкого экономического и технического сотрудничества сторон для достижения поставленных в Соглашении целей, тогда как ВПСТТП устанавливает конкретные обязательства сторон по определению сфер и созданию механизмов сближения правового регулирования (без какой-либо передачи регулирующих функций на меж- или наднациональный уровень). Для ВПСТТП характерно и наличие положений по охране труда, окружающей среды, борьбе с коррупцией.

Оба соглашения содержат подробные разделы о разрешении споров между договаривающимися сторонами. Не ограничивая право выбора сторонами форума для рассмотрения тех или иных разногласий, соглашения предлагают детальные механизмы разрешения споров посредством третейских групп, схожие с аналогичным ме-

ханизмом ВТО (но без апелляционного органа). Предусмотрены компенсации и временные меры, в частности приостановка тарифных уступок, применяемые в качестве средства обеспечения исполнения решений третейских групп. Однако предлагаемый соглашениями порядок разрешения споров не применяется к взаимным обязательствам сторон в отношении мер торговой защиты, технического регулирования, СФС, конкуренции. ВПСТТП также призывает стороны развивать арбитражные или иные альтернативные механизмы разрешения международных коммерческих споров между частными лицами в пределах зоны свободной торговли.

Итак, исходя из приведенной выше характеристики соглашений о ТТП и ВРЭП, будет ли правомерно рассматривать данные партнерства как принципиально новую модель региональной экономической интеграции государств? Очевидно, рассматриваемые партнерства не обладают статусом международной организации региональной экономической интеграции и не наделены правосубъектностью, что с точки зрения сложившихся в отечественной правовой науке подходов ставит вопрос, могут ли партнерства вообще считаться интеграционными объединениями. Существует даже мнение, что международная экономическая интеграция «в юридической области получает свое организационно-правовое воплощение в виде международной организации наднационального типа, или конфедерации» [10], хотя преобладающая точка зрения заключается в том, что организационно-правовой основой интеграционных объединений выступает, как правило, международная организация, и лишь «на продвинутых этапах интеграции международная организация, являющаяся организационной основой интеграционного объединения, приобретает надгосударственный характер» [9]. То есть региональная экономическая интеграция оформляется посредством либо традиционных (классических) международных организаций, либо международных организаций интеграционного типа с надгосударственными (наднациональными) полномочиями [1; 5]. На примере АТР подобный подход реализуется, в частности, в АСЕАН, статья 3 устава которой провозглашает, что ассоциация является межправительственной организацией, имеющей статус юридического лица. Аналогичная формулировка содержится в уставе Инициативы стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМТЭК), в которой состоят и некоторые из стран-участниц ВРЭП – Мьянма и Таиланд. Хотя наделение интеграционных организаций наднациональными полномочиями для АТР не свойственно.

Что касается степени экономического сближения стран-участниц ТТП и ВРЭП, то и здесь интеграционная составляющая достаточно спорна. Международную интеграцию принято рассматривать как процесс, «направленный на постепенное образование межгосударственного, экономически, а возможно, и политически единого, целостного (*integro*) пространства, зяждущегося на общем рынке обращения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы» [6], который характеризуется «созданием объеди-

ненного рыночного пространства с единой денежно-финансовой системой, унифицированными правовыми основами и согласованием внутренней и внешней политики в определенных сферах» [11] и «ведет к долгосрочной технической, технологической и экономической взаимозависимости» [12]. Построение общего рынка, и тем более единого экономического и политического пространства, не является целью ни ТТП, ни ВРЭП, а о реальной взаимозависимости стран-участниц этих партнерств (кроме тех из них, которые уже длительное время состоят в АСЕАН) можно будет судить лишь в средне- и долгосрочной перспективе. Унификация права также не свойственна данным партнерствам, если не считать провозглашенных в ТТП задач по сближению правового регулирования стран-участниц.

Наконец, текущие тенденции расширения ТТП и открытость обоих партнерств для новых членов ставят под вопрос и саму региональную природу этих объединений. Если считать международную экономическую интеграцию одной из форм регионализации, представляющей собой «экономическое сближение государств по территориальному признаку» [13], то рассматриваемые партнерства, которые (по крайней мере ТТП) в ближайшей перспективе могут включить страны за пределами АТР, выходят за региональные рамки.

Однако именно последняя особенность рассматриваемых партнерств – их внерегиональный или «мегарегиональный» охват – во многом объясняет их особое место среди многообразия международно-правовых форм торгово-экономического сотрудничества государств. В научных исследованиях по проблематике АТР отмечается, что «процесс подобной мегарегионализации влечет за собой не только создание региональных межгосударственных объединений интеграционного типа с наднациональными полномочиями или в форме традиционных международных организаций, но и появление менее формализованных региональных межгосударственных объединений неинтеграционного типа, которые способны содействовать "нарастанию" совокупного потенциала экономической мощи объединившихся стран» [5, с. 10].

По нашему мнению, для квалификации объединений государств в качестве интеграционных должны использоваться критерии, позволяющие отнести к данной категории не только региональные организации экономической интеграции, но и иные организационно-правовые формы, созданные на основе многосторонних РТС в целях обеспечения международной региональной или межрегиональной торгово-экономической интеграции по моделям, базирующимся на нормах ГАТТ и ГАТС, но не включающим преференциальные системы, параорганизации и иные неформальные образования. Можно исходить из следующих основных признаков интеграционного объединения: «четко сформулированная цель (сотрудничество государств для достижения интеграции (сближения) в различных областях), комплексность поставленных задач (повышение уровня социально-экономического развития стран-членов), а также характерная система органов (совещательный орган по типу высшего совета

или парламента; исполнительный орган в виде высшей комиссии; судебный орган)» [14]. Хотя не все данные признаки полностью применимы к существующим интеграционным объединениям (например, МЕРКОСУР и АСЕАН не имеют самостоятельного судебного органа), по большей части они отражают современные реалии интеграционных процессов, особенно в АТР. Полагаем, что если целью объединения является создание ЗСТ в соответствии одновременно со статьей XXIV ГАТТ и статьей V ГАТС (кстати, последняя называет такие РТС «соглашениями об экономической интеграции»), а тем более по модели «ВТО плюс», наличие у такого объединения интеграционного характера несомненно.

Таким образом, ТТП и ВРЭП можно отнести к объединениям, для создания которых использованы «мягкие схемы интеграции» [15], в наибольшей степени отвечающие интересам стран-участниц. С учетом широкого географического охвата обоих партнерств и участия в них государств, находящихся на различных уровнях экономического развития и имеющих собственные интеграционные обязательства в рамках иных субрегиональных или региональных группировок, применение более «жестких» международно-правовых форм интеграции вряд ли было бы оправдано. Созданные в АТР партнерства можно рассматривать как перспективную модель экономической интеграции для государств, не готовых к полному и одномоментному открытию своих границ для товаров, услуг и рабочей силы стран-партнеров и к передаче каких-либо суверенных полномочий по правовому регулированию на наднациональный уровень, особенно если такая интеграция носит межрегиональный характер. Опыт функционирования партнерств будет безусловно важен для дальнейшего внимательного изучения, в том числе в связи с формированием в странах-участницах «многослойного» правового регулирования внешнеэкономической деятельности, вытекающего из одновременного участия этих стран в различных двусторонних и многосторонних торговых соглашениях.

Список источников

1. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с.

2. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. URL: <https://www.unescap.org/kp/2022/asia-pacific-trade-agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement>.

3. Цзюньтао В., Любина Д.Е. Транс-тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>.

4. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 90–112.

5. Перская В.В., Эскиндаров М.Л. Точки сопряжения экономических стратегий развития государств – членов АТЭС и ШОС – при переходе к многополярности (методологические подходы и инструментарий выявления сфер взаимного интереса). М.: Экономика, 2013. 388 с.

6. Вельяминов Г.М. *Международное право: опыты*. М.: Статут, 2015. 1006 с.

7. Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г. *Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография*. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 160 с.

8. Красинский В.В. *Защита государственного суверенитета: монография*. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.

9. *Словарь международного права* / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский [и др.]; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 495 с.

10. Скурко Е.В. *Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция. Эффективность правового регулирования*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 297 с.

11. *Международное право: учебник* / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 1087 с.

12. Мисько О.Н. *Международная экономическая интеграция*. СПб.: Университет ИТМО, 2015. 174 с.

13. Каширкина А.А., Морозов А.Н. *Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография*. М.: ИЗиСП, 2012. 368 с.

14. Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. *Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ)* // *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 154–168.

15. Костюнина Г.М. *Особенности интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе* / Г.М.Костюнина // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд.науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. С. 300–305.*

References

1. Bevelikova N.M., Doronina N.G., Khabrieva T.Ya., O.O. Zhuravleva (et al.). *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie)* [Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic study): a monograph]. Moscow: INFRA-M Publ., 2014. 333 p. (In Russ.).

2. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. <https://www.unescap.org/kp/2022/asia-pacific-trade-agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement>.

3. Juntao W., Lyubina D.E. Trans-tikhookeanskoe partnerstvo: istoriya poetapnogo razvitiya regional'noi integratsii v ATR [Trans-Pacific partnership: history of gradual development of regional integration in the Asia-Pacific Region. Post-Soviet Issues]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2021, vol. 8 (1), pp. 113–122. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>.

4. Kostyunina G.M., Baronov V.I. Transtikhookeanskoe partnerstvo: osnovnye polozheniya soglasheniya i potentsial'nyi effekt [Trans-Pacific Partnership: key provisions of the agreement and potential effect.] *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, no. 2, pp. 90–112 (In Russ.).

5. Perskaya V.V., Eskindarov M.L. Tochki sopryazheniya ekonomicheskikh strategii razvitiya gosudarstv – chlenov ATES i ShOS – pri perekhode k mnogopolyarnosti (metodologicheskie podkhody i instrumentarii vyyavleniya sfer vzaimnogo interesa). [Points of conjugation of economic development strategies of the APEC and SCO member states in the transition to multipolarity (methodological approaches and tools for identifying areas of mutual interest)]. Moscow: Ekonomika Publ., 2013. 388 p. (In Russ.).

6. Vel'yaminov G.M. Mezhdunarodnoe pravo: opyty [International law: experiences]. Moscow: Statut Publ., 2015. 1006 p. (In Russ.).

7. Doronina N.G., Kazantsev N.M., Semilyutina N.G. Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii: global'noe, natsional'noe, regional'noe: monografiya [Legal regulation of economic relations: global, national, regional: a monograph]. Moscow: NORMA, INFRA-M Publ., 2017. 160 p. (In Russ.).

8. Krasinskii V.V. Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta: monografiya [Protection of state sovereignty: a monograph]. Moscow: NORMA, INFRA-M Publ., 2017. 608 p. (In Russ.).

9. Avdeeva T.G., Aleshin V.V., Ashavskii B.M., Egorov S.A. (et al.). Slovar' mezhdunarodnogo prava [International law dictionary]. 3rd ed., reprint, amended. Moscow: Statut Publ., 2014. 495 p. (In Russ.).

10. Skurko E.V. Global'naya i regional'naya torgovo-ekonomicheskaya integratsiya. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya. [Global and regional trade and economic integration. Efficiency of legal regulation]. St. Petersburg, Law Centre Press Publ., 2004. 297 p. (In Russ.).

11. Ashavskii B.M., Biryukov M.M., Bordunov V.D., Egorov S.A. (et al.). Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International law: manual]. 5th ed., reprint, amended. Moscow: Statut Publ., 2014. 1087 p. (In Russ.).

12. Mis'ko O.N. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya [International economic integration]. St. Petersburg: ITMO University Publ., 2015. 174 p. (In Russ.).

13. Kashirkina A.A., Morozov A.N. *Mezhdunarodno-pravovye modeli Evropeiskogo soyuza i Tamozhennogo soyuza: sravnitel'nyi analiz: monografiya* [International law models of the European Union and the Customs Union: a comparative analysis: a monograph]. Moscow: IZiSP Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).

14. Rafalyuk E.E., Zaloilo M.V., Vlasova N.V. *Ponyatiya, vidy i formy evraziiskogo i latinoamerikanskogo integratsionnykh ob"edinenii (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Concepts, types and forms of the Eurasian and Latin American integration unions (comparative legal analysis)]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2016, no. 1, pp. 154–168. (In Russ.).

15. Kostyunina G.M. *Osobennosti integratsionnykh protsessov v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [Specifics of integration processes in the Asia-Pacific region]. In: *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Iss. 12. Moscow, 2017, Ch. 1, pp. 300–305. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Наку – кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация, a.naku@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1756-532X>.

Information about the authors

A.A. Naku, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, a.naku@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1756-532X>.

Статья поступила в редакцию / The article received 24.08.2023;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.